

УФИМСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦИИ СИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ
ПРИ УФИМСКОЙ СЕМИНАРИИ.

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНИЮ,
СЪ ДОСТАВКОЮ И ПЕРЕСЫЛКОЮ,
5 РУБ. 50 КОП.

№ 17 1882 1 СЕНТЯБРЯ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА:

Отъ 23 іюня—14 іюля 1882, о книгѣ „Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы“, съ журналомъ Учебнаго Комитета.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прескуроромъ, отъ 29-го мая 1882 года за № 245, журналъ Учебнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Комитета за № 195, о томъ, что Комитетъ полагаетъ возможнымъ допустить въ фундаментальныя бібліотеки духовныхъ семинарій и училищъ составленную по порученію комитета грамотности специальною комиссіею книгу, подъ заглавіемъ: «Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы» (С.-Петербургъ. 1878 г.). Приказали: Утвердить изложенное заключеніе Учебнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Комитета о книгѣ «Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы», и для объявленія о семъ правленіямъ духовныхъ семинарій и училищъ сообщить, циркулярно, чрезъ «Церковный вѣстникъ», съ приложеніемъ копии съ журнала Комитета.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ.

Священникъ села Александровскаго—Волкова, уфимскаго уѣзда, Петръ Кипарисовъ, согласно его прошенію, 29 іюля 1882 года перемѣщенъ на мѣсто настоятеля въ село Ашкашлы, уфимскаго уѣзда, а на мѣсто его въ село Александровское—Волково командированъ, впредь до усмотрѣнія, священникъ села Ашкашловъ Василій Лепацкій.

Священникъ села Боровецкаго, мензелинскаго уѣзда, Андрей Смирновъ, согласно его прошенію, 2-го августа 1882 года перемѣщенъ въ село Сухарево, того же уѣзда.

По постановленію уфимской духовной консисторіи, состоявшемуся 28 іюля 1882 года, и утвержденному Его Преосвященствомъ 10-го августа, прикомандированный къ церкви села Ашкашловъ, для исполненія обязанностей псаломщика, Викторъ Юновидовъ, командированъ временно, впредь до усмотрѣнія, для исполненія псаломщическихъ обязанностей въ село Казанцево, бирскаго уѣзда, а состоящій на той же должности, при церкви Усть-Катавскаго завода, Павелъ Юловскій назначенъ исправляющимъ должность псаломщика въ село Ашкашлы, уфимскаго уѣзда, согласно его прошенію.

По постановленію уфимской духовной консисторіи, состоявшемуся 29-го іюля и утвержденному Его Преосвященствомъ 9-го августа 1882 года, уволенный изъ духовнаго званія, бывшій исправляющій должность псаломщика Николай Богородицкій, согласно его прошенію, прикомандированъ для исполненія псаломщическихъ обязанностей въ село Помряскино, стерлитамакскаго уѣзда.

По постановленію уфимской духовной консисторіи, состоявшемуся 29-го іюля и утвержденному Его Преосвященствомъ 10 августа 1882 года, окончившій курсъ уфимской духовной семинаріи Димитрій Гуменскій опредѣленъ псаломщикомъ въ село Топорнино, уфимскаго уѣзда, и перемѣщены исправляющіе дол. псаломщиковъ: села Гребеней Евгеній Гудковъ въ село Калинники и села Топорнина Александръ Черновъ въ село Гребени.

Настоятель церкви села Аванасова, мензелинскаго уѣзда, священникъ Алексѣй Лавровъ 17-го іюня сего 1882 года, волею Божіею, померъ.

Крестьянинъ сельца Маны—Горы, уфимскаго уѣзда, Спиридонъ Безсмертный, 13 іюля, утвержденъ въ должности церковнаго старосты къ церкви того села на трехлѣтіе съ 1882 по 1885 годъ.

Вслѣдствіе приговора прихожанъ церкви села Ильбахтина, мензелинскаго уѣзда, открыто при церкви того села церковно-приходское попечительство, въ составъ котораго избраны предсѣдателемъ-мѣстный священникъ Іоаннъ Люперольскій и членами: крестьяне села Ильбахтина: Иванъ Якимовъ, Григорій Андреевъ Кумызовъ, Евсигній Андреевъ Пономаревъ, Илья Евграфовъ, деревень: **Батраковой**—Иванъ Гавриловъ Черпаковъ, Сергѣй Даниловъ, **Иванаевой**—Филимонъ Затѣевъ, **Кирнеша**—Евграфъ Ивановъ, Симеонъ Максимовъ и **Новыхъ-Гордалей**—Стефанъ Ивановъ.

Вслѣдствіе приговора прихожанъ церкви села Прасковина, стерлитамакскаго уѣзда, въ составъ мѣстнаго церковно-приходскаго попечительства избраны: предсѣдателемъ крестьянинъ деревни Дѣдовой—Илья Ѳомиинъ

Узелевъ и членами крестьяне: дер. Парасковьиной—Васильевки—Филиппъ Сотниковъ, д. Студенаго-ключа—Михаилъ Наумовъ, дер. Новоселки—Алексѣй Самаринъ, дер. Киришкиной—Спиридонъ Трифоновъ, села Парасковьиной—Максимъ Зеленцовъ, д. Базилевой—Павель Максимовъ и дер. Петровки—Иванъ Горячевъ.

Вслѣдствіе приговора прихожанъ церкви села Городецкаго, белебеевскаго уѣзда, открыто при церкви того села церковно-приходское попечительство, въ составъ котораго избраны: предсѣдателемъ—крестьянинъ деревни Бекетовки Кирилль Логиновъ и членами крестьяне: дер. Аполлоновки—Петръ Петровъ, деревни Екатериновки—Аполлонъ Панферовъ, села Городецкаго—Павель Семеновъ, дер. Приютовки—Стефанъ Карадаевъ, дер. Бекетовки—Дометій Θεодоровъ и Ново-Суворовки—Петръ Димитріевъ.

По постановленію уфимской духовной консисторіи, состоявшемуся 2 августа сего 1882 года, вслѣдствіе предложенія Преосвященнаго Никанора, Епископа Уфимскаго и Мензелинскаго, даннаго Его Преосвященствомъ по совершеніи обзрѣнія въ текущемъ году церковей уфимскаго, бирскаго и мензелинскаго уѣздовъ, выражается благодарность Его Преосвященства, съ призываніемъ благословенія Господня: 1) благочинному священнику Николаю Котельникову, за усердное и исправное исполненіе должности благочиннаго,—2) настоятелю церкви села Θεодоровки священнику Захарію Ясенеу, за благолѣпное совершеніе службы Божіей, образованіе хорошаго многогласнаго клироснаго пѣнія, въ которое пріученіе и всего народа къ церковному пѣнію и весьма удовлетворительное преподаваніе закона Божія въ народномъ училищѣ,—3) настоятелю церкви села Емашевки священнику

Владимиру Авраамову, за просвѣтительную пастырскую дѣятельность и образованіе хорошаго многогласнаго клироснаго пѣнія, 4) священнику села Осиновки Василию Дьякову, за труды по устройству ново-освященной церкви, — 5) настоятелю церкви села Суслова священнику Петру Юловскому, за учрежденіе весьма благоустроеннаго пѣвческаго хора и благолѣпное содержаніе храма Божія, — 6) настоятелю церкви села Гребеней священнику Николаю Щитову, за труды по постройкѣ величественной каменной церкви, учрежденіе приходской школы и заведеніе хорошаго многогласнаго клироснаго пѣнія, — 7) настоятелю церкви села Матвѣвки священнику Евгению Черемшанскому, за особые труды по обновленію церкви и учрежденіе хорошаго многогласнаго клироснаго пѣнія, — 8) настоятелю церкви села Можаровки священнику Алексѣю Котлову, за учрежденіе приходскаго училища, удовлетворительное развитіе учениковъ и заведеніе хорошаго многогласнаго клироснаго пѣнія, — 9) благочинному настоятелю мензелинскаго собора протоіерею Владимиру Уводскому, за особые труды по возобновленію собора и устройство хорошаго хорового пѣнія, — 10) священнику церкви села Ильбахтина Іоанну Люперольскому и 11) села Боровецкаго Андрею Смирнову, за весьма удовлетворительное преподаваніе закона Божія въ мѣстныхъ народныхъ училищахъ и заведеніе хорового многогласнаго клироснаго пѣнія, — 12) священнику села Кабанъ—Бастрыка Ильѣ Андрееву, за весьма удовлетворительное преподаваніе въ мѣстномъ миссіонерскомъ училищѣ и устройство весьма хорошаго хорового пѣнія, — 13) священнику села Оедотова Θεодору Соколову и 14) священнику села Токмака Іоанну Аргентовскому, за удовлетворительное преподаваніе закона Божія въ мѣстныхъ училищахъ и заведеніе хорошаго многогласнаго клироснаго пѣнія, — 15) настоятелю села Зайнска Θεодору Евлампіеву, за со-

бые труды по устройству новой церкви и заведеніе хорошаго хороваго пѣнія,—16) священнику села Елани Θεодору Петрову, за просвѣтительное пастырское служеніе, учрежденіе приходскаго училища и удовлетворительное развитіе учениковъ, а также за заведеніе хорошаго хороваго пѣнія,—17) благочинному настоятелю церкви села Буты священнику Владиміру Фелицину, за просвѣтительное пастырское служеніе, весьма удовлетворительное преподаваніе закона Божія въ училищѣ, заведеніе и поддержаніе весьма удовлетворительнаго хороваго пѣнія и особые труды по устройству новой церкви,—18) настоятелю церкви села Ляковъ священнику Стефану Никитину, за особые труды по возведенію новой каменной церкви и устройство хорошаго клироснаго пѣнія,—19) благочинному священнику села Останкова Александру Преображенскому, за особые труды по благоустроенію инокрестской части своего прихода и заведеніе хорошаго хороваго пѣнія,—20) священнику села Маядыка Владиміру Кибардину, за особые труды по устроенію новоосвященной церкви,—21) исправляющимъ должность псаломщиковъ при церквахъ: села Θεодоровки Михаилу Лебединскому, Емашевки Петру Мезину, Можаровки діакону Алексѣю Лепятскому, Уратьмы Георгію Малиновскому, Ляковъ—Алексѣю Циркулинскому и села Топорнина діакону Василию Леонову, за содѣйствіе священникамъ въ устроеніи церковнаго пѣнія. Особая же признательность Его Преосвященства, съ призываніемъ благословенія Господня, выражается: 1) благочинному настоятелю церкви села Топорнина Василию Щитову, за исправное и отлично—усердное исполненіе должности благочиннаго, просвѣтительное пастырское служеніе и обученіе всего народа церковному пѣнію,—2) священнику села Сѣдыша Петру Селиевскому, за особые труды по устройству новой церкви, учрежденіе приходскаго училища, ревностное

обученіе учениковъ, заведеніе многогласнаго клироснаго пѣнія и обученіе всего народа церковному пѣнію,—3) священнику села Малыкловъ Николаю Надеждину, за обученіе всѣхъ прихожанъ по всѣмъ деревнямъ церковному пѣнію и 4) священнику села Уратьмы Іоанну Смирнову, за просвѣтительное пастырское служеніе и обученіе всѣхъ прихожанъ не только въ селѣ, но и по всѣмъ деревнямъ, церковному пѣнію. О чемъ и прописывать въ послужныхъ спискахъ всѣхъ вышеозначенныхъ лицъ.

А Д Р Е С Ъ

Его Преосвященству Никанору, Епископу Уфимскому и Мензелинскому, обще-епархіального съѣзда духовенства уфимской епархіи 1882 года.

Ваше Преосвященство,

Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Глубокое сочувствіе Вашего Преосвященства къ епархіальнымъ нуждамъ, безграничная любовь и отеческая заботливость о питомцахъ и питомицахъ училищъ нашей епархіи, энергическая дѣятельность, всегда выводившая духовенство изъ крайне затруднительнаго положенія, породили въ насъ ту полноту сердца и избытокъ чувствъ, которыя побуждаютъ высказаться въ словѣ искренней благодарности. Доброта Вашей души и милостивый привѣтъ, которымъ привыкло пользоваться духовенство отъ Вашего Преосвященства, позволяютъ надѣяться, что Вы не будете взыскательны за простоту нашего слова.

Въ немъ не найдете, Ваше Преосвященство, изысканности выраженій; но за то каждая буква слова,—мы бы желали,—будетъ выраженіемъ безпредѣльной,

искренней признательности за тѣ блага, которыми пользовалось и пользуется духовенство во время управленія Вашимъ Преосвященствомъ нашей епархіей. Кто не помнитъ того гнета мыслей—думъ, которыя возникли отъ сгруппировавшихся невыгодно обстоятельствъ, передъ началомъ великаго дѣла постройки зданія подѣ духовное училище. Вы милостиво вывели изъ оцѣпененія духовенство, взявъ на себя все это тяжкое бремя, подѣ свой надзоръ. И свято слово святительское! Бдительный надзоръ не ослабѣвалъ ни на минуту; устрашавшее былое близко къ желанному счастливому концу. Духовенству остается только вознести мольбу ко Всевышнему и отдать долгъ справедливости—благодарность Вашему Преосвященству.

Кого изъ депутатовъ Съѣзда не заставило дрогнуть, по бѣдности средствъ епархіи, новое дѣло пристроя къ епархіальному женскому училищу. Но осмотрѣлись и увидѣли: энергическая дѣятельность Вашего Преосвященства въ прошломъ, по свѣчной операціи, даетъ намъ возможность видѣть въ будущемъ и здѣсь тотъ же желанный счастливый конецъ.

Далѣе, смутились... Не знаемъ, что лучше, гдѣ и какъ, сдѣлать новый пристрой къ зданію епархіальнаго женскаго училища.—Вы, милостивѣйшій Архипастырь, полный доброты и отеческаго снисхожденія, уступая просьбѣ нашей, явились къ намъ, какъ отецъ въ среду дѣтей, и здѣсь, между благими и полезными совѣтами, мы увидѣли новое свидѣтельство отеческой любви къ нашимъ дѣтямъ и безграничной заботы о нашихъ сиротахъ.

Богъ да благословитъ Васъ, безцѣнный и цѣнимый высшей властью, нашъ Архипастырь; да благословитъ и продлитъ дни служенія Вашего Преосвященства на пользу нашей епархіи.

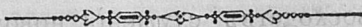
Мы же, благодарные и признательные сами, стумѣемъ

воспитать и дѣтей своихъ такъ, чтобы въ нихъ не отжила память о глубоко-чтимомъ, уважаемомъ и любимомъ Архипастырѣ.

(Подписали): Предсѣдатель протоіерей Философъ Виноградовъ, протоіерей Алексѣй Павловъ, священникъ Николай Левитскій, священникъ Василій Свѣтловъ, священникъ Тимоѣей Никольскій, священникъ Алексѣй Котловъ, священникъ Василій Скворцовъ, священникъ Петръ Кастровъ, священникъ Михаилъ Васильевъ, священникъ Дмитрій Мироновъ, священникъ Михаилъ Петропавловскій, священникъ Андрей Катаевскій, священникъ Владиміръ Фелицинъ, священникъ Іоаннъ Сперанскій, священникъ Іоаннъ Зысковъ, священникъ Петръ Юловскій, священникъ Василій Агровъ и дѣлопроизводитель священникъ Александръ Цареградскій.

1882 г. августа 24, Уфа.

На семь послѣдовала резолюція Его Преосвященства, отъ 25 августа 1882 года: «Я всегда надѣялся на правду Божию, которая человѣческое зло прикрываетъ милостью, но за добро воздастъ неумытно и преизлиха, *мърою потрясною и преизливающеюся*,—всегда надѣялся, что Духовенство уфимской епархіи когда либо, рано ли, поздно ли, оцѣнитъ мою ревностную работу моему долгу и благу моей духовной братіи, съ настойчивымъ проведеніемъ господствующей мысли, что наше благо заключается въ усиленномъ, при настоящихъ тревожныхъ обстоятельствахъ, служеніи нашемъ общему нашему пастырскому долгу. Случилось это ранѣе, чѣмъ я ожидалъ. За это глубокое утѣшеніе выражаю Съѣзду мою душевную признательность, призывая на членовъ его благословеніе Господне отъ нынѣ и до вѣка».

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ПОУЧЕНІЕ

на день пренесенія нерукотвореннаго Спасова образа,

Преосвященнаго Никанора, Епископа Уфимскаго и Мензелинскаго.

*Иже боговиднїемъ иногда заднихъ Моисеево
лице прославивый Богъ и тьмъ богоначертан-
ный законъ пославый невърующимъ израиль-
тельскимъ людемъ се прииде во Христоимени-
тый градъ новыхъ людей божественнымъ начер-
танїемъ первообразнаго Его страшнаго образа.
— Стихира дневная.*

Въ сей праздникъ пренесенія нерукотвореннаго Спа-
сова образа, беру съ за разъясненіе, для васъ какъ и для
себя, нынѣшняго праздничнаго чтенія изъ Апостола (Зач.
173; 2 Кор. 3, 4—18), одного изъ труднѣйшихъ къ ура-
зумѣнію и объясненію, сколько по затруднительной по-
становкѣ славянскихъ реченій, столько и еще больше по
глубинѣ мысли св. апостола Павла. Какъ-то совѣстно бы-
ло, каждый разъ у васъ на храмовомъ праздникѣ при
чтеніи изъ Апостола, задаваться вопросомъ, а кто изъ
присутствующихъ во храмѣ это чтеніе разумѣть? А кто
разумѣть, какъ оно относится къ нынѣшнему праздни-
ванію Спасова нерукотвореннаго образа? Не смутитесь.
Еще св. Златоустъ объ этомъ мѣстѣ писаній св. апосто-
ла Павла замѣтилъ: «а мы что? Намъ остается только
стенать. Удостоенные такихъ благодѣяній Божіихъ, мы
не понимаемъ даже того, что говорятъ намъ о нихъ».

Что же здѣсь говорится? Здѣсь разсуждаетъ св. апо-
столь Павелъ о превосходствѣ новаго завѣта предъ вет-
химъ, о превосходствѣ служенія новому завѣту предъ

служением ветхому завету, о превосходстве славы Иисуса Христа, как ходатая новаго завета, предъ славою Моисея, как ходатая ветхаго завета. Служение ветхому завету св. апостоль Павелъ называетъ служениемъ письмени, письмени убивающему, служениемъ смерти, смертоноснымъ бувамъ, служениемъ осужденія; а служение новому завету называетъ служениемъ не письмени, а духу, духу животворящему, а не письмени убивающему, служениемъ завету, начертанному не на камени, а на скрижалѣхъ сердца плотяныхъ, служениемъ жизни, а не смерти, служениемъ оправданія, а не осужденія. Равно какъ и славу, какою просвѣтлено было лице ходатая ветхаго завета Моисея св. Апостоль называетъ переходящею, престающею, а славу ново-заветнаго служения именуеть пребывающею, такъ что та слава, слава Моисея, не оказывается даже славою по сравненію съ превосходящею славою послѣдующаго служенія ново-заветнаго. Что все это значитъ?

Для уразумѣнія всего этого необходимо знать обстоятельно исторію синайскаго законодательства. Посредствуя при заключеніи завета Бога съ израильскимъ народомъ, Моисей шесть разъ восходилъ на гору Синай.

Вотъ обстоятельства перваго восхожденія. Когда Израильтяне подошли къ Синаю, Богъ повелѣваетъ, отъ имени своего, сказать Израильтянамъ: „вы видѣли, что Я сдѣлалъ съ Египтянами, и какъ Я поднялъ васъ, точно на орлиныхъ крыльяхъ, и принесъ къ Себѣ. Теперь, если вы послушаете гласа моего и соблюдете заветъ—договоръ, который Я хочу постановить съ вами, то будете избраннымъ моимъ народомъ и составите у Меня священное царство“. Моисей чрезъ старѣйшинъ сообщилъ эти слова народу, и народъ изъявилъ готовность исполнить все, что ни повелитъ имъ Богъ. Тогда Господь повелѣлъ Моисею освятить народъ двухъ—дневнымъ очи-

цениемъ и приготовить его къ третьему дню. На третій день, который былъ пятидесятымъ отъ исхода изъ Египта, съ утра слышались молніи, и густая туча обложила гору; раздавался трубный звукъ, который становился все сильнѣе и сильнѣе. Весь народъ, бывшій въ станѣ, трепеталъ. Моисей повелъ его изъ стана въ срѣтеніе Богу. Народъ видѣлъ, что весь Синай съ самыхъ основаній колеблется и дымъ восходитъ отъ него, какъ бы отъ печи. Въ густомъ облакѣ и въ огнѣ сошелъ на него Господь. Моисей, вмѣстѣ съ Аарономъ, получилъ позволеніе приблизиться ко Господу и сталъ на горѣ, въ виду народа, какъ посредникъ между нимъ и Богомъ. Тогда весь народъ услышалъ голосъ. Образа того, Кто говорилъ, никто не видѣлъ. Но все могли различать слова, которыя исходили съ вершины движущейся горы, изъ среды огня. Богъ говорилъ: *Азъ есмь Господь Богъ твой.....* Изречено десятословіе.

Вотъ обстоятельства втораго восхожденія. Когда Богъ изрекъ десятословіе, старѣйшины израильскіе выступили предъ Моисея и сказали ему: „вотъ Богъ показалъ намъ славу свою. Мы слышали и голосъ Его изъ среды огня. Мы видѣли, что Богъ можетъ говорить съ человѣкомъ, и при этомъ человѣкъ можетъ остаться въ живыхъ. Но теперь для чего намъ подвергаться опасности смерти? Этотъ страшный огонь пожретъ насъ, если мы будемъ продолжать выслушивать глаголы Божіи. Мы чувствуемъ, что невозможно никакому смертному существу слышать голосъ Бога присноживущаго, какъ слышимъ мы, и остаться въ живыхъ. Лучше приступи ты и слушай все, что скажетъ тебѣ Богъ нашъ, и пересказывай намъ: мы будемъ слушать и исполнять“. Моисей сказалъ народу: „не бойтесь, не умрете. Богъ пришелъ, чтобы испытать васъ и чтобы, положивши на васъ страхъ свой, удержать васъ отъ преступленія заповѣдей своихъ“. Въ от-

вѣтъ на слова народа Богъ сказалъ Моисею: „все, что они говорили тебѣ, справедливо. О! еслибъ они всегда сохраняли этотъ благоговѣйный страхъ въ сердцѣ своемъ и соблюдали всѣ заповѣди мои, чтобы хорошо было имъ и дѣтямъ ихъ во вѣки. Я не поставлю ихъ болѣе предъ моею славою. Во время свое Я воздвигну имъ Пророка изъ среды братьевъ твоихъ, какъ и тебя. Я вложу слова мои въ уста Его. И кто не послушаетъ словъ моихъ, которыя Онъ будетъ говорить отъ имени моего, съ того Я взыщу. Теперь повели имъ возвратиться въ шатры свои, а самъ останься здѣсь со Мною“. Моисей отпустилъ собраніе, а самъ вступилъ во мракъ, ознаменованный ближайшимъ присутствіемъ Божества. Тамъ онъ принялъ различные законы, относившіеся къ церковному и гражданскому благоустройству израильскаго народа. Сошедши съ горы, онъ пересказалъ народу все, что говорилъ ему Господь, и сообщилъ ему всѣ законы и все это записалъ въ книгу.

Вотъ обстоятельства третьяго восхожденія. На другой день рано по утру Моисей соорудилъ подъ горою жертвенникъ изъ земли и поставилъ около него двѣнадцать камней, по числу двѣнадцати колѣнъ израилевыхъ. И избралъ юношей, вѣроятно изъ первородныхъ у сыновъ израилевыхъ, для принесенія Богу всесожженій и жертвы благодарственной. Когда они заклали тельцовъ и козловъ, Моисей отлилъ половину крови въ чаши, а другую вылилъ на жертвенникъ. Потомъ прочиталъ книгу завѣта, договора Бога съ Израилемъ, въ слухъ народу. Народъ съ своей стороны произнесъ обѣтъ исполнить все, что ни повелитъ Господь. Это было заключеніе завѣта или договора съ Богомъ, со стороны всего Израиля. Затѣмъ совершенно нѣчто въ родѣ присяги на вѣрность завѣту. Моисей окропилъ жертвенною кровію какъ самую книгу завѣта, такъ и весь народъ, го-

вора: „это кровь завета, который Господь заключилъ съ вами“. Кровь завета—это значило: на васъ и на заветъ жертвенная кровь, которая пролита за ваши грѣхи во очищеніе, взаменъ вашей собственной крови, которая должна быть пролита за нарушеніе завета. Послѣ этого Моисей, какъ повелѣлъ ему Богъ, возвелъ на гору Аарона, двухъ сыновей его и семьдесятъ изъ старѣйшинъ израилевыхъ, и показалъ имъ мѣсто, гдѣ остался слѣдъ присутствія Божія. Это Моисей, такъ сказать, представилъ ихъ предъ лице Царя небеснаго, какъ представителей народа, вступившаго съ Богомъ въ заветъ. Здѣсь они поклонились законодателю своему, Творцу неба и земли, и возвратились, не потерпѣвши вреда.

Вотъ обстоятельства четвертаго восхожденія. Потомъ Господь воззвалъ къ Моисею: „взойди ко Мнѣ на гору и будь тамъ. Я дамъ тебѣ каменные скрижали, на которыхъ Я начерталъ для нихъ заповѣди“. Взявъ съ собою Иисуса Навина, Моисей взошелъ на гору, которую покрыло облако. Тамъ Моисей пробылъ сорокъ дней и сорокъ ночей. Въ это время онъ получилъ наставленіе, какимъ образомъ устроить скинію, въ которой народъ долженъ будетъ приносить жертвы и возносить молитвы къ Богу. По окончаніи сорока дней Господь далъ ему двѣ скрижали каменные, на которыхъ перстомъ Божиимъ начертаны были десять заповѣдей. Но какъ въ это время Израильтяне уже успѣли нарушить только что заключенный съ Богомъ заветъ, именно слили себѣ для поклоненія золотого тельца въ подражаніе богопочтенію египетскому; то Богъ, вручая скрижали Моисею, говорить: „пойди, сойди отсюда скорѣе. Народъ, выведенный тобою изъ Египта, уже совратился съ пути, который Я заповѣдалъ ему: онъ сдѣлалъ себѣ литого тельца, поклоняется ему, приносить жертвы и называетъ его богомъ, который будто бы вывелъ его изъ земли египет-

ской. Я вижу, что это народъ жестоковѣрный. Не препятствуй Мнѣ, и Я истреблю ихъ, а отъ тебя произведу многочисленный народъ“. Но Моисей сталъ молиться, и ходатайство Моисеево спасло народъ отъ гибели. Но когда Моисей спустился къ подошвѣ горы и увидѣлъ тельца и пляски, тогда, воспламенившись гнѣвомъ, онъ бросилъ изъ обѣихъ рукъ обѣ скрижали и разбилъ ихъ подъ горою, въ виду всего народа. А Левитамъ, оставшимся вѣрными Господу, повелѣлъ убивать виновныхъ. И пало тогда до трехъ тысячъ виновныхъ отъ меча.

Вотъ пятое и шестое восхожденіе Моисея на гору Синай. На другой день опять Моисей взошелъ на гору и повергся предъ Богомъ; сорокъ дней и сорокъ ночей хлѣба не ѣлъ и воды не пилъ и, умоляя за грѣхъ народа, говорилъ: „если Ты не простишь грѣха ихъ, то изгладь меня изъ книги твоей, въ которую вписаны у Тебя предназначенные для вѣчнаго блаженства“. Между тѣмъ народъ рыдалъ отъ горя, жалости и раскаянія. Моисей усугубилъ свои молитвы. И Богъ, возвращая свое благоволеніе, повторилъ прежнее обѣщаніе идти предъ народомъ. Чувствуя, что Богъ въ существѣ своемъ не то, чѣмъ себя проявляетъ, не гроза и страхъ смертноносный, а благодать и любовь безконечная, Моисей простеръ свое молитвенное дерзновеніе до того, что просилъ у Господа показать ему существенную славу свою: „яви ми Тебе самага“. Господь сказалъ ему: „лица моего (существа моего) нельзя человѣку видѣть, и остаться въ живыхъ; но Я проведу предъ тобою *благодать* мою, и провозглашу предъ тобою имя Иеговы. Ты увидишь Меня сзади (явственный слѣдъ Божія присутствія), но лице мое (существо мое) не откроется тебѣ. Между тѣмъ ты вытети себѣ двѣ скрижали каменные, подобныя прежнимъ. Я напишу на нихъ тѣже слова, какія были на прежнихъ скрижальяхъ, которыя ты разбилъ. И завтра взойди ко Мнѣ на вершину Синая“. Мо-

исей исполнилъ, что повелѣлъ ему Богъ: вытесаль скрижали, по подобію прежнихъ, и поутру взошелъ съ ними на вершину горы, совершенно одинъ. Тогда Господь сошелъ во облакъ, остановился близь Моисея и провозгласилъ имя Іеговы. И когда Господь проходилъ, Моисей слышалъ слѣдующія слова, возвѣщающія благодать Божию: „Іегова, Іегова, Богъ благосердый и милостивый, долготерпѣливый, богатый милостью и истиною, сохраняющій милость въ тысячи родовъ, снимающій беззаконіе, преступленіе и грѣхъ, но не почитающій виновнаго наравнѣ съ невиннымъ, наказывающій беззаконіе отцовъ въ сынахъ, и въ сынахъ сыновъ до третьяго и четвертаго рода“. Моисей тотчасъ-же палъ на землю и поклонился Богу. Послѣ этого Моисей опять пробылъ на горѣ въ совершенномъ постѣ, сорокъ дней и сорокъ ночей, и принялъ опять скрижали, на которыхъ Богъ начерталъ тѣже десять заповѣдей. Это собесѣдованіе съ Богомъ и созерцаніе слѣдовъ славы Божіей оставило слѣдъ и на лицѣ Моисея: лице его издавало лучи. Моисей узналъ это, когда уже сошелъ съ горы, потому что Ааронъ и всѣ Израильтяне боялись подойти къ нему. Онъ подозвалъ ихъ и сообщилъ имъ все, что заповѣдалъ ему Богъ. Послѣ этого положилъ себѣ на лице покрывало, которое снималъ только тогда, когда предстоялъ предъ Богомъ.

Имѣя въ виду эти обстоятельства синайскаго законодательства, теперь мы можемъ выяснитъ себѣ, что пишетъ св. апостоль Павелъ о превосходствѣ новаго завѣта предъ ветхимъ.

По противоположенію ветхаго завѣта новому, ветхозавѣтное законоположеніе, по слову Апостола, есть буква, начертанная на камени, на скрижаляхъ каменныхъ, а не на плотяныхъ скрижаляхъ сердца. Правда, самъ законодатель Моисей говорилъ Израильтянамъ, повидимому, нѣчто противоположное: *близко къ тебѣ слово сіе;*

оно въ устахъ твоихъ и въ сердце твоемъ (Вт. 30, 14). Но это Моисей говорилъ объ одной сторонѣ ветхозавѣтнаго законоположенія,—о той, о которой самъ Христосъ сказалъ: *иота едина или едина черта не преидеть отъ закона* (Мат. 5, 18). Здѣсь разумѣются историческая и догматическая части Моисеева пятокнижія, разумѣются заключающіяся въ немъ пророчества и нравственный законъ, который лежалъ въ основѣ законовъ обрядоваго и гражданскаго, который, совпадая съ нравственнымъ естественнымъ закономъ, по слову ап. Павла, написанъ въ сердцахъ человѣческихъ, начертанъ въ глубокой основѣ человѣческой природы. Такъ это слово Моисея, дѣйствительно, было близко къ Израилю, было не только на устахъ его, но и въ сердцѣ его.

Но Моисей нашелъ нужнымъ оградить нравственное свое законоположеніе предписаніями еще законовъ обрядоваго и гражданскаго. Въ самое десятословіе внесена у Моисея заповѣдь о храненіи субботы, которую справедливо назвать основною обрядовою. А всѣ прочія заповѣди десятословія служили у Моисея основою гражданскаго ееократическаго законоположенія, подробныхъ предписаній касательно исполненія этихъ заповѣдей и касательно наказаній, которыя ограждали это исполненіе. Вслѣдствіе этого смѣшенія однихъ предписаній съ другими, нравственныхъ съ обрядовыми и гражданскими, въ подробномъ обстоятельномъ раскрытіи закона Моисеева, весьма трудно указать разграничительную черту, гдѣ оканчивается собственно нравственное законоположеніе и начинается обрядовое и гражданское. Первое нравственное законоположеніе у Моисея весьма часто, если только не постоянно, смѣшивается до неразрывности съ двумя послѣдними и какъ бы закрывается ими. Зато эти послѣднія законоположенія, гражданское и особенно обрядовое, раскрываются весьма обширно, занимая въ Моисеевомъ пятокнижіи многія главы къ ряду и при томъ вовсе не

касясь нравственныхъ предписаній, за исключеніемъ развѣ того, что всегда предполагають подъ собою нравственную основу, общую нравственную обязательность закона Божія. Можно сказать, что въ пятокижій Моисея нравственное законоположеніе хотя и лежитъ въ основѣ, но мало выставляется на видъ, а вездѣ напротивъ по преимуществу выставляются на видъ законоположенія обрядовыя и бюократическія гражданскія. Такъ у самаго Моисея. А что же сказать о позднѣйшихъ его толковникахъ? Извѣстно вообще и вопервыхъ изъ обличеній Господа Иисуса Христа на фарисеевъ и книжниковъ іудейскихъ, что они своими толкованіями измельчили предписанія Моисеева закона до безконечности, до полнаго почти забвенія собственно нравственныхъ законоположеній, такъ что Христось Спаситель называлъ ихъ вождями слѣпыми слѣпыхъ и говорилъ, что они затворяють царствіе небесное предъ человеками, сами не входятъ и другимъ возбраняють внити; что они оставили выцщее, существенное въ законѣ, праведный судъ и милость, и самую вѣру. Между тѣмъ всѣ эти фарисейскія обрядово—гражданскія толкованія на законъ, которыя у евреевъ считались и считаются чуть не выше самаго закона, да и собственно Моисеевы предписанія, касающіяся обрядовъ и правилъ гражданского быта, всѣ эти предписанія составляютъ такъ называемый положительный законъ, предписываемый положительною волею законодателя или даже произволомъ его толковниковъ. Всѣ они, какъ положительныя, по этому самому отличаются отъ закона нравственнаго, естественнаго. И какъ этотъ послѣдній, естественный нравственный законъ, лежа въ основѣ человеческой природы, начертанъ на плотявыхъ скрижаляхъ человеческого сердца; такъ, на оборотъ, положительныя предписанія были начертаны только на камени, на скрижаляхъ каменныхъ, на дщицахъ или на хартіи, а не на

скрижаляхъ сердца. Всѣ они по этому составляли только букву закона.

Самыя нравственныя предписанія Моисеева закона не вошли въ плоть и кровь Израиля, не вошли на всемъ пространствѣ израильской исторіи. Такъ до плѣненія вавилонскаго Израильтяне всегда склонны были къ языческимъ обычаямъ, часто отпадая въ идолопоклонство, забывая Бога истиннаго, оставляя истинную вѣру, отвергая самый обрядъ богоуставнаго богослуженія, вводя языческія правила и въ распорядокъ общенародной государственной жизни. А съ плѣненія вавилонскаго болѣе истые изъ Израильтянъ погрузились въ мелочное фарисейство съ обожаніемъ внѣшности и буквы; болѣе образованные впади въ саддукейство, въ саддукейское невѣріе: а толпа погрязла въ смертной тѣни невѣжества, полуязычества, маловѣрія и грубости. Посему духъ божественнаго нравственнаго закона, даннаго Моисеемъ, слабо проникая Израильтянъ даже при Моисеѣ, даже въ лучшую эпоху ихъ духовнаго развитія, къ концу ветхо-завѣтной исторіи, совершенно изсякъ, отлетѣлъ и исчезъ. Потому—то св. апостоль Павелъ и называетъ служеніе ветхому завету служеніемъ буквѣ, а не духу, буквѣ, начертанной на камнѣ, а не на плотяныхъ скрижаляхъ сердца.

Мало этого. Св. Апостоль называетъ служеніе вѣтхому завету еще служеніемъ смерти, служеніемъ смертоносной буквѣ, буквѣ убивающей, служеніемъ осужденія, а не оправданія. Это какъ и почему? Начнемъ съ того, что ветхій законъ только осуждалъ, а не оправдывалъ, и осуждалъ всякаго безъ исключенія человѣка. Апостоль Павелъ говоритъ: *отъ дѣлъ закона не оправдится всяка плоть человѣка предъ Богомъ. Закономъ бо познаніе грѣха* (Рим. 3, 19—23). Даже затѣмъ законъ и привиде, да умножится прегрѣшеніе. Что это значитъ? До Моисеева закона люди жили, руководясь только естественнымъ закономъ, который за-

были. А если и помнили, то только какъ вѣлѣніе своей собственной совѣсти, какъ движеніе собственной воли. Грѣшили, не зная закона, и были меньше повинны по невмѣняемости вины, которая всегда уступается невѣдѣнію. Потому то *грѣхъ не вѣнялся, пока не было закона* (Рим. 5, 13). Кромѣ того тогда грѣшили неисполненіемъ добрыхъ движеній только собственнаго человѣческаго сердца. А Моисеевъ законъ во—первыхъ растолковалъ человѣку его нравственныя обязанности: извиняться невѣдѣніемъ стало невозможно; законъ далъ всякому знать, что такое грѣхъ. Затѣмъ законъ изрекъ свои предписанія, какъ вѣлѣніе высочайшей воли Божіей: еще однимъ извиненіемъ стало меньше. Всякій грѣхъ не только въ существѣ, но и въ сознаніи человѣка, сталъ теперь преступленіемъ уже высочайшей воли Божіей, а не одной только благой воли человѣка. Законъ привзошелъ, чтобы увеличить прегрѣшеніе не только въ количествѣ, но и въ качествѣ, въ степени. Кромѣ того Моисеевымъ закономъ предьявлено было къ исполненію множество предписаній обрядовыхъ и гражданскихъ, сверхъ нравственныхъ, и всѣ они, какъ и нравственныя предписанія, предьявлялись къ исполненію, опять же какъ вѣлѣніе той же воли Божіей. Значитъ разнovidныхъ вѣлѣній воли Божіей оказалось очень много по количеству. Да и помимо обрядово-гражданскаго закона Божія, одна нравственная заповѣдь Господня *широка зѣло* по своему существенному свойству; точнѣе сказать, она безконечна по качеству. Выполнить всю ея безпредѣльность безсилень всякій падшій грѣшный человѣкъ. По этому грѣхъ дѣлаетъ повиннымъ предъ закономъ, самый законъ осуждаетъ, подводитъ подъ судъ и осужденіе всякаго человѣка. *Вси согрѣшиха, вси и лишени суть славы Божіей, да всяка уста заградятся и повиненъ будетъ весь міръ предъ Богомъ* (Рим. 3, 19, 23.).

Но подводя подъ осужденіе всѣхъ и каждаго, законъ не оправдывалъ ни одного человѣка. Не оправдывалъ, не очищалъ, не спасалъ ветхій законъ, самъ по себѣ, по своей силѣ. Правда, въ ветхомъ завѣтѣ въ возмездіе правдѣ Божіей, въ наказаніе за грѣхъ и во очищеніе грѣха, приносились кровавыя жертвы. Но, по слову Апостола, *невозможно крови тельцовъ или овновъ очищати грѣхи*, невозможно и удовлетворить правдѣ Божіей за грѣхъ. Обрядовый Моисеевъ законъ былъ только тѣнью грядущаго. Онъ очищалъ грѣхи, удовлетворялъ правдѣ Божіей и спасалъ человѣка только повѣрѣ въ грядущаго Искупителя. По слову св. Апостола (Гал. 3, 21—22), *если бы Моисеемъ данъ былъ законъ, могущій животворить, то подлинно праведность была бы* (оправданіе проистекало бы) *отъ закона. Но ветхозавѣтное писаніе заключило всѣхъ подъ грѣхомъ, дабы обътованіе вѣрующимъ даровано было по вѣрѣ въ Иисуса Христа.* Конечно, Израильтяне въ огромномъ большинствѣ этого не разумѣли. Они думали угождать Богу только внѣшностью, только служеніемъ буквѣ, полагая, что стоитъ только принести въ жертву овна или козла, и грѣхъ прощенъ и очищенъ. Но это былъ только самообманъ. Въ ту пору въ ветхомъ завѣтѣ грѣхъ не всегда вмѣнялся, не всегда навлекалъ явную кару Божію, но ни одинъ грѣхъ не очищался и не прощался. Совершенное очищеніе и прощеніе грѣховъ переносилось изъ ветхаго завѣта въ новый. А Моисеевъ законъ только осуждалъ, не спасая.

Самъ въ себѣ онъ подводилъ даже подъ смерть, осуждая всякаго на смерть, всякаго на смерть вѣчную духовную, всякаго же на смерть и временную тѣлесную; а многихъ осуждалъ и прямо на смертную казнь. *Единымъ человекомъ, праотцемъ Адамомъ, грѣхъ вошелъ въ міръ и грѣхомъ вошла смерть, и такъ смерть вошла во всѣхъ людей чрезъ Адама, въ которомъ всѣ мы со-*

грѣшили (Рим. 5, 12), какъ и продолжаемъ всѣ, уже сами въ себѣ, согрѣшать, преступая законъ Божій. И этотъ законъ надъ каждымъ изъ насъ единожды навсегда изрекъ и продолжаетъ постоянно изрекать свой грозный приговоръ: *смертію умрешь*, вѣчною смертію умрешь неизбежно; *земля еси и въ землю отидеши*, умрешь и тѣлесною смертію неизбежно. Кромѣ того Моисеевъ законъ очень часто изрекаетъ и исключительные смертные приговоры: *смертію да умретъ*. Вотъ посудите. За нарушение первой заповѣди десятословія смерть! За нарушение второй—смерть! Третьей—смерть! Четвертой, даже за собираніе дровъ въ субботу, смерть! Пятой, даже за послушаніе родителямъ, за хуленіе ихъ, смерть! Шестой, за убійство, смерть! Седьмой, за прелюбодѣяніе разныхъ видовъ, смерть! За нарушение многихъ чисто обрядовыхъ предписаній смерть! За нарушение всѣхъ прочихъ заповѣдей тяжкія кары, вообще не только равномерное возмездіе за всякій проступокъ: *око за око, зубъ за зубъ*, но и большее, преувеличенное въ количествѣ и степени, возмездіе, чтобы грѣшнику грѣшить не повадно было; возмездіе земною гражданскою карою помимо наказанія, насылаемаго непосредственно отъ самаго Бога, наказанія и временными на землѣ карами и вѣчною мукою за каждый грѣхъ, совершенный и не очищенный. А тогда въ ветхомъ завѣтѣ ни одинъ грѣхъ и не могъ быть очищенъ. Слѣдовательно, каждый грѣхъ, рано ли, поздно ли, навлекалъ на грѣшника тяжкую кару, начиная весьма не рѣдко съ смертнаго приговора. Къ чему все это вело, можно судить по евангельской исторіи съ женою, ятою въ прелюбодѣяніи. Всѣ старцы израилевы, предъ лицомъ сердцеѣдца Спасителя, совѣстію обличаемые, вышли одинъ по одному со срамомъ, и ни одного не оказалось правоспособнаго, чтобы кинуть камень въ прелюбодѣйцу, осужденную на смерть закономъ Моисеевымъ. Слѣдовательно и всѣ эти старцы

также, какъ и несчастная жена, подлежали смертному приговору по закону Моисееву, по приговору собственной совѣсти. Если же избѣжали казни, то только потому, что согрѣшенія ихъ извѣстны были совѣсти ихъ, да сердцевѣдцу Богу, а не людямъ. Такимъ образомъ въ ветхомъ завѣтѣ до очевидности явно было, что *оброцы грѣха смерть* (Рим. 6, 23). Вотъ что значать у св. Апостола выраженія, что служеніе ветхому завѣту было служеніемъ буквѣ убивающей, а не духу животворящему, служеніемъ буквамъ смертоноснымъ, служеніемъ смерти, служеніемъ осужденія, а не оправданія.

Буква убивающая—это имѣло еще и другой внутреннѣйшій смыслъ: буква убивала не только тѣло, но и духъ; убивала духъ не только за гробомъ вѣчною смертію, но и здѣсь на землѣ, подавляя въ Израильтянахъ все духовное. И это главное. Буква убивала тѣмъ, что заповѣдь Господня у Моисея намѣренно втѣсняла свою безпредѣльную широту въ точныя, опредѣленные и, такъ сказать, узкія предписанія; въ предписанія, которыя въ нравственной части были по преимуществу отрицательнаго свойства: *не убій, не укради* и т. п., въ которыхъ мало было чего либо подобнаго безпредѣльнымъ евангельскимъ совѣтамъ и высшимъ требованіямъ безконечной любви, самоотверженія, полной нестяжательности, безпредѣльной чистоты и святости духа. Между тѣмъ обширный кодексъ обрядовыхъ предписаній, наоборотъ, носилъ на себѣ самый положительный, точный и рѣшительный характеръ: *помни день субботный* и т. п. Отъ этого Израильтянинъ, исполнивъ точныя, опредѣленные положительныя требованія обрядоваго и отрицательныя нравственнаго Моисея закона, могъ воображать, какъ нерѣдко и воображалъ себя праведникомъ, который исполнилъ всю волю Божию и обязывалъ самого Бога къ должной наградѣ, подобно евангельскому фарисею, самодовольно благодарившему Бога: *Боже! бла-*

годарю Тя, яко нѣсмь якоже прочіи челоуѣцы, хищницы, неправедницы, прелюбодѣи; пощуся два раза въ недѣлю и т. д. Этотъ фарисей, какъ и другіе фарисеи услышали совершенную новость для себя въ словахъ Христовыхъ: *аще сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите, яко раби неключими есмь: яко еже должны бѣхомъ сотворити, сотворихомъ.* Правда, и фарисей читалъ въ законѣ: *святи будите, якоже Азъ святъ есмь Господь Богъ вашъ;* но никакъ не могъ возвыситься до пониманія этой заповѣди Божіей въ безпредѣльномъ смыслѣ заповѣди Христовой: *будите совершенни, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть,* въ томъ смыслѣ, что духъ челоуѣческій предназначенъ къ безконечному усовершенствованію и богоуподобленію. А фарисей воображалъ, что, исполнивъ точныя предписанія закона, онъ исполнилъ весь законъ, и правъ и больше дѣлать ему ничего не остается. У него духъ въ нѣкоторомъ смыслѣ былъ обрѣзанъ и искалѣченъ подавлявшимъ его убѣжденіемъ, что законъ Господень конеченъ и удобоисполнимъ. Буква закона свивала Израиля какъ бы пеленками, которыя не позволяли возрастать духу въ естественную мѣру духовнаго возраста, и держали его въ принудительномъ дѣтствѣ, не смотря на многовѣковую исторію Израиля. такъ что въ многихъ израильтянахъ духъ совѣмъ и замеръ. Буква Моисеева закона убивала духъ еще тѣмъ, что предъявляла свои требованія почти исключительно во имя наградъ, и наградъ почти исключительно земныхъ, а не горнихъ—небесныхъ, равно какъ и наказаній земныхъ же: *будетъ небо надъ главою вашею мѣдяно и земля подъ ногами желѣзна* и т. п. Кромѣ этихъ наградъ и наказаній стихійныхъ, находящихся въ рукахъ Божіихъ, буква закона ограждала свою обязательность еще и тяжкими карами закона гражданскаго. Вообще выдвигаемымъ на видъ началомъ и мотивомъ нравственной

жизни Израиля былъ рабскій страхъ. Высшее безпредѣльное начало нравственнаго христіанскаго совершенства, любовь къ Богу, мотивъ любви къ добру ради самаго добра, даже мотивъ награды не временной на землѣ, а вѣчной награды въ небесахъ за самоотверженіе на землѣ, всѣ эти начала и мотивы, выдвигаемые на видъ въ евангеліи и вообще въ христіанскомъ правоученіи, въ ветхомъ завѣтѣ были прикрыты господствующимъ началомъ рабскаго страха, которымъ подавлялся другой высшій принципъ сыновней любви къ Богу и самоотверженнаго влеченія къ добродѣтели. По слову Апостола, *до пришествія Христова Израильтяне заключены были подъ страхомъ, подъ стражею закона. Законъ былъ суровый тѣстунъ во Христа. Израильтянинъ, наследникъ царства Божія, доколѣ былъ въ дѣтствѣ, ничѣмъ не отличался отъ раба, хотя былъ и господинъ всего; былъ подчиненъ попечителямъ и домоправителямъ; былъ порабощенъ вещественнымъ началамъ міра* (Гал. гл. 3 и 4). Потому—то и на Синаѣ схождение Бога и изреченіе десятословія окружено было чрезвычайно грозными явленіями, съ цѣлю внушить именно страхъ. Потому-то на Синаѣ Богъ и говорилъ Моисею: «о, еслибъ они всегда сохраняли сей благоговѣйный страхъ въ сердцѣ своемъ и соблюдали заповѣди мои, да благо имъ будетъ и чадамъ ихъ во вѣки!»!

Правда, въ существѣ дѣла и ветхозавѣтный законъ имѣлъ своимъ виновникомъ Бога любви, также какъ и законъ Христовъ. Глубочайшая основа у того и другаго законъ одна и таже—любовь: *возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего и ближняго твоего, яко самъ себе.* Высшая цѣль одна—смягченіе, возвышеніе, очищеніе духа и спасеніе вѣчное. Есть и у Моисея самыя возвышенныя предписанія о любви, о любви не только къ братьямъ, но и къ чужероднымъ, даже ко врагамъ;

съ запрещеніемъ мести, о чувствѣ попеченія не только о людяхъ, но и о животныхъ, и даже растеніяхъ, предписанія въ высшей степени трогательныя и гуманныя. Такъ Моисей заповѣдуетъ отъ лица Божія: *да не возненавидиши брата твоего во умъ твоемъ. И да не отмщаетъ рука твоя, и да не враждуеши на сыны людей твоихъ, и возлюбиши ближняго своего, яко самъ себе* (Лев. 19, 17—18). Такъ запрещая воздѣлывать землю въ седьмой годъ покоя, Моисей заповѣдуетъ: *что само выростетъ на жатвь твоей, не сжигай и гроздовъ съ необрѣзанныхъ лозъ твоихъ не снимай. Да будетъ это годъ покоя земли, чтобы и земля отдохнула. И будетъ это всѣмъ вамъ въ пищу, тебѣ, и рабу твоему, и рабъ твоей, и наемнику твоему, и поселенцу твоему, и скоту твоему, и звѣрямъ, которые въ землю твоей, да будутъ всѣ произведенія ея въ пищу* (Лев. 25, 5—7). Не умилительна ли эта заповѣдь о пощадѣ живыхъ деревьевъ: *если будешь держать въ осаду городъ, чтобы завоевать его и взять его, то не порти деревъ его, отъ которыхъ можно питаться, и не опустошай окрестностей. Ибо дерево на полъ не человекъ, чтобы могло уйти отъ тебя въ укрѣпленіе* (Вт. 20, 19). Или эта заповѣдь: *если попадется тебѣ на дорогѣ птичье гнѣздо на какомъ либо деревѣ или на землѣ, съ птенцами или яицами, и мать сидитъ на птенцахъ или на яйцахъ, то не бери матери вмѣстѣ съ птенцами; мать пусти, а дѣтей возьми себѣ, да благо ти будетъ и долголѣтнѣ будеши на земли* (Вт. 22, 6—7). Т. е. благоговѣнно чти творческую силу, корне—плодное начало природы, какъ и родителей своихъ, да благо ти будетъ и долголѣтнѣ будеши на земли. Нельзя здѣсь и исчислить всѣ подобныя правила у Моисея, которые дышутъ глубочайшею любовію къ человѣку и къ природѣ, природѣ и одушевленной и такъ называемой без-

душной, которую Моисей однако же изображаетъ живою, одушевленною и чувствующею. Созерцая и изображая Бога большею частію грознымъ, карающимъ, Моисей чуюль сердцемъ, что эта гроза только внѣшнее обличіе славы Божіей. Почему онъ и молилъ Бога: *покажи мнѣ славу твою, яви мнѣ Тебя самаго*. Но Богъ отвѣтствуетъ: *лица моего нельзя человеку видѣть и остаться въ живыхъ. Но Я проведу предъ тобою благодать мою*. И когда Господь проходилъ, Моисей слышалъ слова, возвѣщающія именно *благодать* Божію, которая и превозмогаетъ въ Богѣ Его правду: *Иегова, Иегова, Богъ благосердый и милостивый, долготерпливый, богатый милостію и истиною, сохраняющій милость въ тысячи родовъ, снимающій беззаконіе, преступленіе и грѣхъ* и т. д. А когда самъ Моисей приблизился къ видѣнію высочайшей славы Божіей, къ видѣнію лица Божія, къ видѣнію божественнаго существа, которое состоитъ въ любви, такъ какъ *Богъ есть любовь*; тогда на собственномъ лицѣ Моисея отразилась слава Божія въ лучахъ свѣта, подобно тому, какъ просвѣтилось лице Иисуса Христа на Оаворѣ. И какъ на Оаворѣ апостолы не могли смотрѣть въ лице преобразившагося Господа, такъ и Израильтяне у подошвы Синая не могли смотрѣть на просвѣтленное славою Божіею лице Моисея, который и вынужденъ былъ положить покрывало на лице свое. Вышло отсюда то, что это покрывало закрывало на лицѣ Моисея проблескъ существеннѣйшей славы Божества, проблескъ лица самаго Бога, проблескъ существа Божія, которое есть благодать и любовь. То есть, покрывало Моисея закрывало именно благодать и любовь Божію: Израильтяне еще не доросли до способности созерцать существеннѣйшую славу благодати и любви Божіей на лицѣ Моисея, какъ и въ законѣ его; а видѣли въ законѣ его, какъ и въ немъ самомъ, какъ и въ са-

момъ Богъ законодатель, только грозу и страхъ. Это же покрывало было символомъ таинственнаго покрывала, лежавшаго и на всемъ Моисеевомъ законѣ. Такъ какъ Израиль наследникъ царства Божія, будучи младъ, еще не доросъ до постиженія любви Божіей, то въ ветхомъ завѣтѣ Израиль, хотя и сынъ Божій, не былъ отличенъ отъ раба, былъ выдерживаемъ подъ приставникомъ, былъ воспитываемъ пѣстуномъ, пѣстуномъ суровымъ, именно Моисеевымъ закономъ, который хотя въ существѣ и былъ основанъ на духѣ любви, но былъ начертанъ на скрижаляхъ каменныхъ буквами суровыми и грозными, буквами осужденія и смерти. Израиль видѣлъ и чуялъ въ законѣ только грозу и страхъ; а любовь была закрыта покрываломъ.

Возвратимся же съ этимъ предварительнымъ изъясненіемъ къ нынѣшнему чтенію изъ Апостола, и приблизимъ главную нить его смысла къ нашему разумѣнію.

Вотъ Богъ далъ намъ способность быть служителями новаго завѣта, не буквы ветхозавѣтной, но духа. Та ветхозавѣтная буква убивала и убиваетъ, а духъ новозавѣтный животворитъ. Служеніе ветхому завѣту было служеніе буквамъ, начертаннымъ на камнѣ, буквамъ суровымъ, смертоноснымъ, было служеніемъ закону осуждавшему, служеніемъ осужденія, а не оправданія; такъ какъ Моисеевъ законъ осуждалъ предъ Богомъ всѣхъ до одинаго, ни одинаго человѣка не оправдывалъ, тогда какъ въ новомъ завѣтѣ наоборотъ уже нѣтъ никакого осужденія всѣмъ вѣрующимъ во Иисуса Христа Искупителя. Но если то ветхозавѣтное служеніе было такъ славно, что лице Моисеево освѣтилось отблескомъ славы божественной и сыны Израилевы не могли смотрѣть на эту славу, хотя она и была преходящею, такъ какъ освѣщеніе лица Моисеева лучами небесной славы скоро престало и кончилось; то не болѣе ли должно быть славно

служеніе новому завѣту, служеніе духа, а не буквы; служеніе оправданія, а не осужденія, служеніе жизни, а не смерти. Если славно то служеніе преходящее, служеніе ветхому завѣту, престающему и уже кончившемуся; то тѣмъ болѣе славно служеніе новому завѣту, вѣчно пребывающему. Имѣя такую надежду, мы должны питать великое дерзновеніе къ Богу. Моисей полагалъ покрывало на лице свое, чтобы сыны Израилевы не взирали на конецъ преходящаго ветхаго завѣта, чтобы не видѣли ясно его основы, его сущности, его цѣли, его конца; чтобъ ясно не постигали, что онъ основанъ на любви Божіей, что его сущность состоитъ въ любви къ Богу и ближнимъ, а не въ обременявшей его буквѣ частныхъ обрядово—гражданскихъ постановленій,—что его цѣль была не спасти тогда же человѣчество, а только привести къ вѣрѣ въ грядущаго Искупителя,—что съ пришествіемъ Искупителя, изведшаго изъ ада всѣхъ ветхозавѣтныхъ, съ вѣрою чаявшихъ Его пришествія, и спасающаго всѣхъ вѣрою, а не дѣлами закона, ветхому завѣту долженъ настать, какъ уже и насталь, конецъ. Умы Израильтянъ и донинѣ ослѣплены. И донинѣ тоже покрывало, которымъ Моисей закрывалъ отъ нихъ свое прославленное лице, остается для нихъ не снятымъ при чтеніи ветхаго завѣта. И донинѣ, когда они читаютъ Моисея, тоже покрывало лежитъ у нихъ на сердцѣ ихъ, мѣшая имъ постигнуть Моисея въ сокровеннѣйшей его сущности, потому что это покрывало снимаетъ Христось, когда Израильтяне обращаются ко Господу нашему. Господь есть Духъ; а гдѣ Духъ Господа, тамъ свобода, свобода отъ рабства ветхозаконной буквѣ, свобода отъ грѣха, отъ власти діавола, свобода отъ проклятія и смерти. Мы же всѣ, служители новаго завѣта, открытымъ лицомъ, открытыми очами и тѣла и духа, видимъ божественную славу, какъ въ зеркалѣ, въ богочеловѣческомъ

ликъ нашего Господа Христа Спаса, преобразившагося на горѣ, распятаго за насъ и воскресшаго, восшедшаго на небеса и сѣдящаго одесную Бога Отца, оставившаго намъ въ себѣ, въ своемъ вочеловѣченіи, образъ высочайшаго совершенства, да послѣдуемъ стопамъ Его. Слѣдуя стопамъ Его и взирая на божественный ликъ Его, мы и сами преобразуемся въ тотъ же образъ отъ славы въ славу, споспѣшествуемые благодатію Духа Господня. Посему, имѣя по милости Божіей, такое призваніе, такое служеніе, мы не должны унывать.

Не должны унывать, памятуя, что тотъ самый Богъ, который чрезъ видѣніе заднихъ слѣдовъ славы Божіей на Синаѣ прославилъ лице Моисея и чрезъ него послалъ богоначертанный законъ невѣрнымъ израильскимъ людямъ, сей самый Богъ витаетъ между нами божественнымъ начертаніемъ первообразнаго своего страшнаго и пречистаго образа, ему же поклоняющагося благодарственно вопіемъ: радости исполнили еси всѣхъ насъ, Спасе нашъ, пришедый спасти міръ. Аминь.

СОДЕРЖАНІЕ: Отдѣлъ официальный.—Правительственныя постановленія и распоряженія.—Епархіальныя распоряженія и извѣстія.—Адресъ Преосвященному Никанору, Епископу Уфимскому и Мензелинскому, общепархіальнаго съѣзда духовенства уфимской епархіи 1882 года.

Отдѣлъ неофициальный.—Поученіе Преосвященнаго Никанора, Епископа Уфимскаго и Мензелинскаго.

Редакторъ, смотритель духовнаго училища Иванъ Любимовъ.

Печатать дозволяется. Уфа, 1 сентября 1882 г.

Цензоръ Каѳедральный Протоіерей Павелъ Желателевъ.

Губернская Типографія.